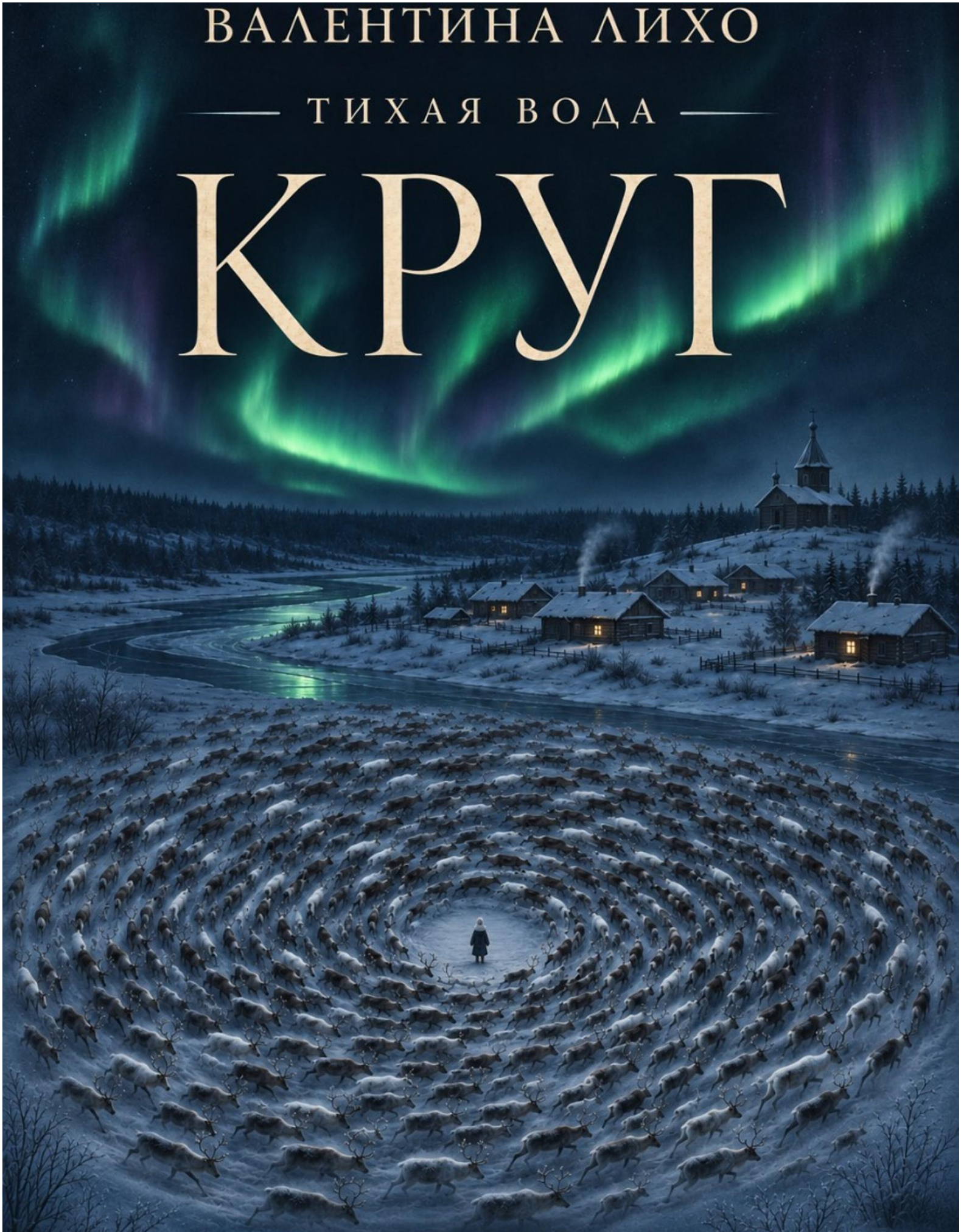
ВАЛЕНТИНА ЛИХО

ТИХАЯ ВОДА

КРУГ

РАССКАЗ

КРАСНОЩЕЛЬЕ · ТУМАННЫЙ

2–9 НОЯБРЯ 2027

Валентина Лихо

Тихая вода. Круг

«Автор»
2026

Лихо В.

Тихая вода. Круг / В. Лихо — «Автор», 2026

В ноябре 2027 года Татьяна прилетает в заснеженное Краснощелье. Над деревней горит северное сияние, хозяева торопят её войти в дом, а маленькая девочка говорит о происходящем так, будто знает больше всех взрослых. Разговоры о земле, воде и нарушенном равновесии заставляют Татьяну иначе взглянуть на своё расследование. Впереди — встреча с тяжело больным Корнеевым и возвращение на станцию, где один из проходов давно замурован.

© Лихо В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Тихая вода. Круг 5
1. Сверху 6
2. Четвёртая чашка 8
3. Не смотреть долго 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Валентина Лихо
Тихая вода. Круг

Тихая вода. Круг

Рассказ
2–9 ноября 2027 года
Краснощелье; Мурманск; станция у Туманного

1. Сверху

2 ноября 2027 года

Татьяна не сразу поняла, что белая полоса внизу — река.

С высоты Поной почти не отличался от земли. Только лес отступал по обе стороны, оставляя широкое неровное пространство, и на поворотах виднелись тёмные участки берега.

Вертолёт трясло.

Соседка придерживала коленями картонную коробку. Из-под клапана торчал угол детского одеяла. На одеяле были жёлтые утки.

Татьяна посмотрела на них, потом снова в окно.

Дома появились неожиданно. Низкие, разного цвета, с белыми крышами. Между ними шли дороги, продавленные снегоходами. Возле длинного сарая лежали брёвна. Чуть дальше стояла тёмная деревянная церковь, и её острые крыши казались единственным, что ещё не успел сгладить снег.

Она узнала вид по фотографии, которую прислала Раиса Петровна.

Но на фотографии было солнце.

Теперь над Краснощельем темнело.

Татьяна приехала не писать о северном сиянии.

После летних нападений она несколько месяцев собирала свидетельства, которые не помещались в уже опубликованный материал. Большая часть оказывалась пересказами. Люди присылали чужие записи, неверно подписанные фотографии, истории, случившиеся с родственниками знакомых.

Иногда приходило другое.

Короткое сообщение без объяснений.

«У нас тоже звали».

Или просьба позвонить в определённое время, когда дома никого не будет.

Раиса Петровна написала в сентябре.

Не о медведе.

О месте, которое затопили при строительстве станции.

Её мать узнала рассказ, приведённый в одной из старых публикаций Татьяны. Там было всего несколько строк о камне у воды, у которого прежде было имя.

Раиса Петровна спросила, сохранились ли записи.

Татьяна ответила, что сохранились копии.

Потом они несколько раз говорили по телефону.

Мать Раисы Петровны, Эльза Андреевна, помнила не саму стройку во всех подробностях, а рассказы своей матери. Семья когда-то жила совсем в другом месте Кольского полуострова. До Краснощелья было много переездов, чужих домов и вещей, оставленных потому, что их невозможно было взять.

В октябре Раиса Петровна сказала:

— Если хотите поговорить, лучше приезжайте. По телефону она плохо слышит.

Татьяна купила билет.

Корнееву о поездке сообщила коротко.

Он ответил через два дня:

«Потом расскажете».

Вертолёт пошёл ниже.

За стеклом промелькнула ограда. Несколько человек стояли в стороне от площадки, прижимая к себе капюшоны. Поднятый винтами снег скрыл их, потом они появились снова.

Татьяна дождалась, пока разрешат выходить.

Воздух ударил в лицо холодом и запахом топлива.

Она пригнулась, хотя над головой было достаточно места, и пошла за другими пассажирами.

Раиса Петровна оказалась ниже, чем Татьяна представляла. В широкой зимней куртке, с пуховым платком под капюшоном. Сразу взяла её за локоть и повела от площадки.

— Сумка тяжёлая?

— Нормальная.

— Муж возьмёт.

Муж уже подхватил сумку.

Он назвался Николаем Семёновичем и больше ничего не сказал: шум ещё стоял такой, что разговаривать было трудно.

Когда отошли от площадки, Татьяна подняла голову.

Над домами горела зелёная полоса.

Не бледная, как на снимках, которые люди обычно показывали со словами «глазами было хуже видно». Свет был яркий. Он расширялся, складывался, вытягивал вниз тонкие края.

Вертолёт ещё гудел за спиной.

Татьяна остановилась.

Полоса медленно повернулась над лесом, и в ней появился розовый край.

— Пойдёмте, — сказала Раиса Петровна.

Татьяна уже доставала телефон.

— Одну минуту.

Николай Семёнович обернулся.

— Дома посмотрите.

Она улыбнулась, думая, что он беспокоится о холоде.

Раиса Петровна не улыбнулась.

— Не стойте под ним. Зайдёмте.

Татьяна убрала телефон.

На дороге впереди стояла девочка.

Маленькая, лет семи. В тёмной куртке и светлой вязаной шапке, низко натянутой на лоб.

Она смотрела не на сияние.

На Татьяну.

Когда взрослые приблизились, девочка шагнула за сугроб.

2. Четвёртая чашка

В сенях было тесно.

На полу стояли сапоги, валенки, пластиковое ведро с крышкой. На гвозде висела связка ключей. Николай Семёнович поставил сумку и долго стряхивал снег с рукавов.

— Проходите. Здесь тепло.

Из кухни пахло рыбой и горячим хлебом.

Татьяна сняла куртку, осторожно повесила на свободный крючок. На уровне её колена висела маленькая варежка, привязанная к другой длинной резинкой.

Она отодвинула её рукавом.

На кухне уже стояли чашки.

Четыре.

Раиса Петровна налила чай, потом взяла одну чашку и унесла в соседнюю комнату.

— Маме. Она сегодня больше лежит.

Николай Семёнович подвинул Татьяне стул.

За его спиной, у дверного проёма, показалась девочка.

Та же светлая шапка была у неё в руках. Волосы тёмные, прямые, неровно подрезанные над бровями.

Татьяна кивнула ей.

Девочка исчезла.

— Далеко добирались? — спросил Николай Семёнович.

Татьяна рассказала про дорогу, про перенос вылета, про женщину, которая боялась, что не примут её коробку.

Раиса Петровна вернулась без чашки.

Сели ужинать.

Николай Семёнович говорил о том, что у него не заводится снегоход. Раиса Петровна возражала: заводится, только он сам всё время что-то разбирает.

Это было такое знакомое домашнее препирательство, что Татьяна постепенно перестала слышать в каждом скрипе возможное продолжение другой истории.

Ей отвели маленькую комнату.

Кровать, стол, шкаф, на стене календарь. На подоконнике стоял цветок в обрезанной пластиковой бутылке.

Она задержала на нём взгляд.

Вспомнила Веру.

Потом отвернулась.

Нельзя было всю жизнь узнавать угрозу в каждой бытовой вещи.

Раиса Петровна принесла второе одеяло.

— С окна дует. Если холодно будет, скажите.

— Спасибо.

— Завтра поговорите. Мама к вечеру устаёт.

Когда хозяйка ушла, Татьяна открыла сумку.

Вынула диктофон, блокнот, папку с копиями.

На верхнем листе была старая фотография станции. Тогда Татьяне было девятнадцать. Теперь — пятьдесят один.

Она лежала в её архиве больше тридцати лет. Бумага на оригинале пожелтела, но копия оставалась белой, почти новой. От этого изображение казалось недавним.

В дверях стояла девочка.

Татьяна заметила её не сразу.

— Привет.
Девочка смотрела на фотографию.
— Ты здесь живёшь?
Она не ответила.
— Меня зовут Татьяна.
Девочка перевела взгляд на её лицо.
Потом на диктофон.
— Это что?
— Записывает разговор.
Маленькая ладонь легла на дверной косяк.
— Зачем?
Татьяна подумала.
Обычно она отвечала сразу: чтобы ничего не перепутать.
Теперь это показалось слишком простым.
— Чтобы потом помнить, что мне сказали.
Девочка отступила.
Татьяна выключила прибор, хотя он ещё не записывал, и убрала в сумку.
— Сейчас не надо.
За стеной позвала Раиса Петровна:
— Татьяна, вам воды принести?
Когда Татьяна повернулась обратно, девочки уже не было.

3. Не смотреть долго

3 ноября 2027 года

Утром Эльза Андреевна сама вышла на кухню.

Очень сухая, прямая, в тёплом жилете поверх платья. Волосы были собраны на затылке, но несколько длинных белых прядей выбились и лежали на щеке.

Она не спросила, как Татьяна долетела.

Посмотрела на папку.

— Покажите.

Татьяна разложила фотографии.

Станция.

Водохранилище.

Копия старой карты.

Последней положила расшифровку разговора, который когда-то записала Елена Серова.

Эльза Андреевна читала долго. Пальцем вела по строкам, иногда возвращалась.

— Это не моя мать, — сказала она.

— Я знаю. Ваша дочь говорила, что рассказ похож.

— Похож.

Она коснулась карты.

— Здесь раньше не так было.

Татьяна подвинула карандаш.

— Можете показать?

Эльза Андреевна не взяла.

— Я сама там не жила. Мать рассказывала. Не буду вам рисовать, будто помню.

Татьяна убрала карандаш.

Это ей понравилось.

За окном проехал снегоход. На несколько секунд кухню заполнил низкий гул.

Пожилая женщина дождалась тишины.

— Мать говорила: у каждого места есть тот, кто за ним смотрит. Мы тогда смеялись. Думаем, она про хозяйство. Кто рыбу ловит, кто оленей пасёт.

— А она не про это?

— И про это тоже.

Эльза Андреевна поправила очки.

— Вы всё хотите отдельно. Здесь человек, здесь камень, здесь рассказ про камень. А она не делила.

Татьяна записала.

— В вашей семье к тому месту ходили?

— Мать ходила с бабушкой. До переездов.

— Что там делали?

Женщина посмотрела на неё поверх очков.

— Всё вам надо напечатать?

— Не всё.

— Тогда это пока оставим.

Татьяна кивнула.

Они говорили о старых названиях, о людях, которых уже некому было спросить, о фотографиях без подписей.

Эльза Андреевна называла имя, потом останавливалась.

— Нет. Это я другого вспомнила.

Татьяна ждала.

Не подсказывала.

В полдень старуха устала и ушла к себе.

Раиса Петровна собрала бумаги.

— Вы не обижайтесь. Она раньше лучше помнила.

— Она и сейчас хорошо помнит, где не уверена.

Хозяйка посмотрела на неё внимательнее.

Потом улыбнулась.

Вечером Татьяна вышла за сумкой, оставленной в сенях, и увидела свет в маленьком окне.

Сияние вернулось.

Она открыла наружную дверь.

Над тёмной полосой леса стоял широкий зелёный свод. Его нижний край дрожал, как ткань на ветру, хотя возле дома было почти тихо.

Татьяна вышла на крыльцо.

Несколько мгновений смотрела, не думая ни о чём.

Потом услышала за спиной:

— Не надо долго.

Эльза Андреевна стояла в дверях без жилета.

— Замёрзнете, — сказала Татьяна.

— Так зайдёмте.

Она не двигалась, пока Татьяна не вернулась.

В сенях старуха взяла её за рукав.

Пальцы были сухие и горячие.

— Мать говорила, наверху предки стада перегоняют. Не надо стоять, разглядывать чужую дорогу.

— Вы так думаете?

— Я думаю, ночью лучше быть дома.

Она отпустила рукав.

Из кухни донёсся голос Раисы Петровны:

— Опять вышли? Татьяна, у нас окно есть.

Татьяна хотела ответить что-нибудь лёгкое.

Не получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.